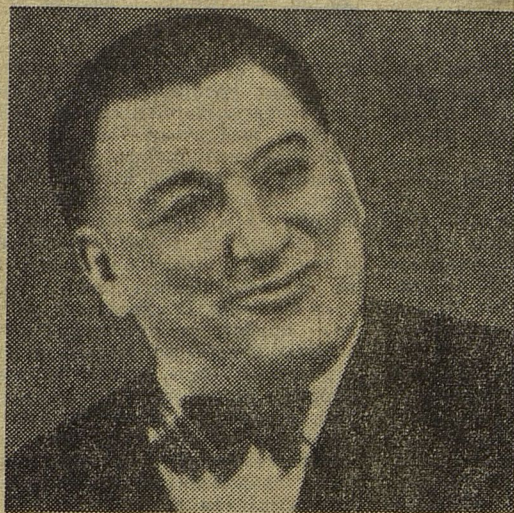

НАШИ СУББОТНИЕ
ВСТРЕЧИ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ВОЗРАСТА

ОН — СТАРЫЙ
ЛЕНИНГРАДЕЦ.
СЧИТАЕТ СЕБЯ
ОЧЕНЬ
СЧАСТЛИВЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ.
СЧАСТЛИВЫМ
ПОТОМУ, ЧТО
СУДЬБА
ПОДАРИЛА ЕМУ
МНОЖЕСТВО
ИНТЕРЕСНЫХ
СОБЫТИЙ
И ВСТРЕЧ,
ПОТОМУ, ЧТО,
КАК ОН САМ
ГОВОРИТ,
У НЕГО —
ДВЕ ЖИЗНИ.
ЗОВУТ ЭТОГО
ЧЕЛОВЕКА
ПЕТР ЛУКИЧ
МУРАВСКИЙ

— Да, да, не удивляйтесь. У меня действительно две жизни, и я действительно очень счастливый человек. Одна жизнь — это эстрада, вторая — судьбой дарованные встречи с людьми поистине необыкновенными. Луначарский, Горький, Володарский, Блюхер, Буденный, Киров, Андреева — нет, все-таки очень мне повезло в жизни!

С поистине юношеской живостью и влюбленностью, с доброй улыбкой рассказывал нам Петр Лукич о некоторых из этих встреч. И так как почти все они происходили или во время концертов, или после них, то разговор наш само собой перешел на эстраду.

Почти шестьдесят лет не сходит с афиш имя Муравского. Тысячи выступлений, тысячи доверительных разговоров со зрителем, зрителем нескольких поколений. Сотни тысяч, пожалуй, даже несколько миллионов покоренных его нестарееющим искусством сердец.

Наверное, если бы отметили на карте все города и поселки нашей страны, в которых выступал заслуженный артист республики Петр Лукич Муравский, «белых пятен» на ней не осталось бы. Мы видели карту: артист ради любопытства нанес на нее маршруты только нескольких последних лет. Кушка и полуостров Рыбачий, Калининград и Камчатка — вот самые крайние точки его бесчисленных поездок. И всегда, будь то сцена Дворца культуры или скромные подмостки небольшого клуба, для Муравского это всегда — эстрада.

— За свои долгие годы вы знали, Петр Лукич, много разных эстрад...

— Много... Видел эстрады четырех эпох. Павел Сарматов и Юрий Убейко, Василий Гушинский и Николай Смирнов-Сокольский, Алексей Матов и Владимир Хенкин, Леонид Утесов и Клавдия Шульженко... Это бесконечно талантливые люди, непохожие друг на друга, схожие только тем, что они действительно талантливы. Их призыванием было общение с народом.

И если спросить у меня: с чего начинается для актера эстрада, — я отвечу: с любви к ней. Ее надо любить, надо любить всех тех, для кого ты работаешь, каждый раз обязательно добиваться близости, контакта со зрителями. «Ногу через рампу», — так я называю это. Сюда, в зрительный зал, чтобы вы видели: я получаю удовольствие от общения с вами, от ваших смеющихся и улыбающихся глаз. Принести людям радость — это искусство, искусство огромное. Искусство свободного общения с человеком. Твоим сердцем, твоим чувством ты должен быть рядом с ним. И если это удастся хотя бы наполовину — уже общение, взаимная любовь. А без нее нельзя жить.

Мы — эстрада — огромны. И если первое по массовости искусство — кино, то эстрада — второе. Оправдать эту любовь, это доверие...

Первое, что бы я ввел в курс не существующего пока института эстрадного искусства, — осознание своей необходимости, полезности. Ради чего ты выйдешь на подмостки, что ты скажешь людям? Только осознав это, можно стать настоящим артистом. Таким, как Леонид Утесов, как Клавдия Шульженко. Они точно знали, что хотели сделать. И делали это изумительно. И никогда никому не подражали. У каждого из них свой почерк и своя огромная любовь к зрителю.

Не подумайте, что это комплиментарная форма разговора. Ни в коем случае! Я люблю Аркадия Райкина за то, что он всю жизнь начинал свой рабочий день с утра и заканчивает его поздним вечером. Потому у него нет ничего случайного, у него — талант, труд и труд.

Таких людей много. Нельзя, невозможно подражать образам, созданным на эстраде Риной Зеленой, Марией Мироновой, Львом Мировым. У них можно только учиться, учиться трудиться. Все они — жемчужины большого эстрадного ожерелья.

У нас есть все: любовь зрителей, возможности для поисков, проб... Нет только одного — может, это и плохо, хотя кто-то меня наверняка осудит за эти слова, — нет страха потерять уважение публики. А, мол, ладно, от концерта до концерта, сойдет.

— Вы настойчиво и с тревогой говорите об опасности подражания...

— А как иначе? Посмотрите, что делается сегодня! Один за другим появляются ансамбли — голубые, розовые, синие, только что не в крапинку. Но до чего же они без-

лики! Среди их участников, вероятно, немало одаренных людей. Но они теряются, тонут среди большого количества «работающих на эстраде». Работающий на эстраде человек — что это такое? Выступающий — это мне понятно. Но «работающий»?.. Это как миллион изданных календарей — я имею в виду наш разговорный жанр, — на всех указаны число, день, только размеры у них разные, да один отрывной, а другой перекидной. И повторяют актеры друг за другом, как календари, одни и те же тексты.

— Вот мы и пришли к разговору о литературе, об эстрадной драматургии. Много лет слышны сетования на то, что нет хороших, по-настоящему злободневных, умных и острых текстов. А как вы выходите из этого «пикового» положения?

— Как? Не так просто ответить. По-разному бывает. Случайно услышанная в магазине или кино реплика, увиденная на улице любопытная сценка. Да и поездки по стране, встречи... Из таких крупниц складываются будущие фельетоны, монологи. Вот, к примеру, у моего знакомого появилась на двери табличка: «Отличная квартира по взносу квартплаты». На красном стекле серебряными буквами. Я никогда не сомневался, что он порядочный и честный человек. Но с каких пор своевременную плату за квартиру стали почитать чуть ли не подвигом? Это же само собой разумеется...

Вот из такой вроде бы мелочи и родился фельетон. Я рассказывал зрителям об этой нелепой табличке: понимаете, теперь просто неудобно к приятелю в гости ходить. У меня-то таблички нет. Пью чай с пирогами, а у самого

кусоч в горле застревает: все время себя зlostным неплательщиком чувствую...

— А гитара, с которой вы уже много лет выходите на сцену, она помогает вам в создании новых монологов, в работе?

— Так ведь человек, который с гитарой, он не может злиться или орать. Он, очевидно, лирик. А мой старый друг Леонид Осипович Утесов даже написал в какой-то статье, что Муравский — это человек, который, улыбаясь, шутя, говорит об очень серьезных вещах.

И считаю, что нет смысла поучать публику: так надо жить, а так — не надо. Причем о том, как «не надо» жить, иной конференсье рассказывает минут двадцать, а о том, «как надо», — укладывается в две минуты, потому что и сам, бедняга, не знает точно — как надо.

А может быть, путем раздумий, путем лирическим, с гитарой в руках, напевая строки романса, поразмыслить над нашим сегодня, над нашим будущим? Я хочу заставить вас подумать, потому что я вас люблю. Полюбите и вы меня, мы вместе будем делать одно дело. Только мое занятие — увидеть, рассказать честно, ничего не искажая, о нашем времени, времени совершенно неповторимом. Когда-нибудь о нас будут писать, вероятно, оды. Будут воспевать былые трудности. А что трудно — да: жить в доме значительно легче, чем его выстроить. Мы — строим.

— Лирик-то вы лирик. Но ведь — злой лирик.

— Жолалуй. Не люблю я слюни распускать. Хочется говорить о самых серьезных вещах, говорить не ругаясь. Я ведь не только фельетонист, хотя и не сатирик, я — старый конференсье.

— Петр Лукич, но вы давно уже не конферлируете в концертах. Не кажется ли вам, что за последние годы настоящий конференс просто исчезает с эстрады?

— Исчезает? Он исчез!

Нет, конечно, говорителей чужих реприз достаточно. Но конференсье...

Вот раздумываю над новым монологом. Мне хочется начать его примерно так: «Я без объявления пришел к вам. Вы понимаете, раз меня не объявили, а я пришел и стою перед закрытым занавесом, я и есть конференсье».

Не знаю, о ком думал великий Гольдони, когда писал своего «Слугу двух господ»... Мне кажется, что он думал о нас, о конференсье. Потому что каждый из нас — слуга двух господ. Первый господин — это зритель...

Нет, правда: выходя на сцену, я должен убедить сидящих в зритель-

тельном зале, что они поступили совершенно правильно, придя сегодня на концерт. Именно сегодня они увидят то, что хотят увидеть. Я должен их убедить, что не пропали их деньги, недаром потеряно время. И когда чувствую, что они мне уже начинают верить, я должен покинуть этого господина и пойти к господину второму, который ждет за кулисами. Нужно суметь убедить его, что сегодня пришла именно та публика, о которой он мечтал. Если тебе это удастся, тогда твое дело сделано. Но для того, чтобы удалось, надо уметь поговорить и с одним, и с другим. Знать это искусство, искусство общения, надо в совершенстве. И каждый день ясно ощущать — с кем ты сегодня разговариваешь. Публика ведь каждый день разная. Люди только внешне похожи, а характер, сущность у каждого свои. И конференсье к каждому обязан найти подход. «Ногу через рампу!»

Разумеется, для этого нужно иметь какие-то знания. Надо пройти жизнь. Пройти не мимо людей, а через них, через сердца человеческие.

Надо хотя бы газеты, — извините меня, нынешние ведущие концертов — не конференсье, нет! — читать. Не только там, где печатаются критические рецензии о ваших товарищах, читать от корки до корки. Всегда помнить: «утром в газете, вечером в куплете».

Ей-же-ей, совсем не обязательно собирать книги, как это делал Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Полюбите хоть какую-то книжку, словарь, например. Прекрасная штука, скажу вам. Она мне порой заменяет гимназию, где я не доучился. Покамест доберешься до слова «конференсье», узнаешь «конвульсию», «конкурс» и «катастрофу»...

— В одной из недавних радиопередач «С добрым утром» Владимир Поллянов назвал вас «человеком без возраста»...

— Так оно, пожалуй, и есть. Все мои сверстники давно уже свернули свою амуницию, пересыпали ее нафталином и ходят теперь в «воспоминателях». А я не хочу так. Не хочу на пенсию. Остаться без эстрады, без публики... Что я буду делать? Нет — жить сегодняшним днем, работать, волноваться! Мне по душе это волнение.

В моде ныне всякие хобби. У меня такого нет. Есть «одна, но пламенная страсть» — доброе отношение зрителей. Вот это, если хотите, я и коллекционирую.

Беседу вели
Ю. КРАСНОВ,
Б. МЕТЛИЦКИЙ